

Як свідчать результати соціологічних досліджень [3], забезпечення активної участі територіальної громади у функціонуванні механізму самоврядування підвищує рівень її суб'єктності й довіри до сформованих нею органів місцевої влади, гуманізує соціально-економічні потреби соціальних груп і дає змогу більш адресно їх задовольняти. Для цього важливо контролювати деякі соціальні параметри функціонування механізму самоврядування:

- 1) ступінь участі громади у формуванні та прийнятті управлінських рішень (консультативний, співдетермінаційний чи контрольний);
- 2) сфери життєдіяльності територіальної громади, на які ця участь поширюється;
- 3) організаційні форми, в яких ця участь здійснюється;
- 4) якість та своєчасність рішень, які приймаються, та організаційна робота з виконання їх.

Література

1. Корнієнко М. Місцеве самоврядування в Україні: концептуальні проблеми // Місцеве та регіональне самоврядування України. – 1993. – № 1/2. – С. 54–58. Андреев Б.П. Місцеве самоврядування в Україні: проблеми і перспективи. – К., 1997.
2. Пилипенко В. Є. Трудова поведінка особистості та механізми її регуляції. Економічна соціологія : Навчальний посібник / За ред. В.М.Ворони В.Є.Пилипенка. – К., 1997.
3. Українське суспільство: моніторинг – 2000 р. Інформаційно-аналітичні матеріали / За ред. В.М.Ворони, А.О.Ручки. – К., 2000. – С. 350–390.

Іван Владимирович ШЛИЄНКО,
аспірант кафедри соціології Інститута
соціальних наук Одеського національного
університету ім. І.І.Мечникова

Обращение населения в официальные структуры как косвенное выражение доверия к ним

Индивид, будучи вольным или невольным участником социальных отношений, испытывает на себе влияние механизмов его включения в общество. В качестве таковых выступают социальные институты, предлагающие модели взаимодействия с индивидами, а также действия самих индивидов – их формальные и неформальные практики. Формальные практики – это регламентированные, контролируемые и одобряемые обществом действия, которые в процессе их применения институционализировались. В рамках неформальных практик индивиды взаимодействуют по правилам, определенными взаимным соглашением. В ситуациях неопределенности, переменчивых обстоятельств,

когда трансформируемости взаимодействия социальных агентов не до конца алгоритмизованы, а многие предписанные или легитимные образцы поведения неэффективны, мы наблюдаем рост использования неформальных практик среди населения. В этих отношениях большую роль играет доверие, которое, по словам С.Макеева, обеспечивает оптимизацию взаимодействий, является «восполняющим» механизмом [1, с. 35].

Если рассматривать доверие в двух перспективах – личностной и деятельностной (в терминологии С.Макеева), то именно в деятельностной перспективе мы наиболее реально можем увидеть отношение населения к тем или иным официальным структурам, будь его действия формальные или неформальные.

Личностная перспектива¹ доверия представляет собой показатель эмоциональной дистанцированности личности от социального института [1, с. 31]. В данном случае мы с помощью традиционного для обследований общественного мнения вопроса «В какой мере Вы доверяете...?» измеряем степень готовности населения идти на контакт, вступать в сотрудничество с той или иной организацией или физическим лицом, соответственно измеряется степень доверия со стороны респондента. Однако часто манифестируемые со стороны населения ценности далеки от его реальных поступков, и это обстоятельство вынуждает принимать во внимание также деятельностную перспективу доверия – реальные действия, предпринимаемые населением и эмпирически изучаемые путем опросов респондентов относительно опыта их взаимодействия с институтами.

Конечно, личностное доверие (назовем его прямым), предполагая искренность в ответах респондентов, могло бы послужить самодостаточным показателем при изучении данного феномена, однако не существует жесткой зависимости между уровнем доверия и реальными поступками индивида, вследствие чего и может наблюдаться явление, названное С.Макеевым процедурным преодолением недоверия как эмоциональной дистанцированности [1, с. 38]. Деятельностное же доверие будет выступать в таких случаях косвенным по отношению к личностному, оно будет выражаться в виде социальной практики (как формальной, так и неформальной), являющейся, по словам И.Поповой, «основой легитимации и любого вида согласия» [2]. Особый интерес будут представлять неправые практики как разновидность неформальных (под неправыми практиками я понимаю либо деятельность людей в сферах жизни, не урегулированных правом, либо деятельность, нарушающую нормы права), так как здесь главный результат, по словам Р.Рывкиной, – «достижение того или иного качественного эффекта» [3]. Залогом успеха здесь служат конвенционально установленные «правила игры», но решающим фактором, несомненно, выступает доверие – доверие к партнеру, к организации в целом и т.д. Более того, зачастую именно на основе доверия мы решаем, выберем ли

¹ Я предпочитаю называть это личностным аспектом.

мы формальный способ решения нашей проблемы или же пойдем в обход используя неформальные (а то и неправовые) практики.

В качестве примера демонстрации населением проявления личностного и деятельностного доверия в отношении к официальным структурам, хочу привести репрезентативные данные мониторинга, проведенного 11–16 октября 2003 года в Одессе [4]. В случае нарушения гражданских прав, как правило, только пятая часть населения (19%) обращается за помощью в официальные организации, а обращение в СМИ и в общественные организации составляют 3% и 5% соответственно. На обращение к знакомым и друзьям, с одной стороны, и к родственникам – с другой, приходится 26% и 26% соответственно. Нетрудно сделать вывод о том, что ни официальные, ни общественные организации не пользуются в глазах населения необходимым доверием.

Очевиден факт, что в случае нарушения гражданских прав люди предпочитают обращаться к знакомым и друзьям или к родственникам. Таких почти в 2 раза больше, чем тех, кто, как правило, обращается в этих случаях в какие-либо организации (52% в сравнении с 27%). Однако количество обратившихся за последние 12 месяцев в официальные и общественные организации, а также в СМИ для решения личных проблем примерно в полтора раза превышает число тех, кто обращается в них «как правило». Это свидетельствует о том, что людям приходится изменять своим правилам и подчиняться обстоятельствам, которые вынуждают обращаться в те или иные организации. Примерно столько же респондентов, сколько обращались в определенные организации, ответили, что хотя проблемы были, они все же «ни к кому не обращались», так как считают, что их проблемы перечисленные организации решить не могут.

Отсутствие доверия населения к различным организациям выразилось, в частности, в мотивации «необращения» в организации (ответ на вопрос: «Если не обращались в вышеуказанные организации, то почему?»). Более трети выборов пришлось на вариант «Не верю, что будет результат». Два других мотива («Требуется слишком много времени» и «Необходимы слишком большие материальные затраты») называли в 39% случаев (можно было указать несколько вариантов).

Можно использовать в качестве объяснения критического отношения населения к способности каких-либо организаций защищать их гражданские права или помочь в решении личных проблем ответы на вопрос: «Где была оказана помощь в решении Вашей проблемы?». Подсчет результатов представил крайне интересные данные: 55% (!) опрошенных ответили «Нигде», и ни одна организация не «набрала» более 6% («помощь» со стороны ДЕЗов). Если принять в качестве показателя оказания помощи в решении личных проблем («показателя эффективности» работы организаций с гражданами) отношение числа получивших помощь к числу обратившихся в те или иные организации, то оказывается, что показатель этот для официальных организаций в среднем равен 49%, тогда как для организаций, находящихся в компетен-

ции «городской власти» (горисполком, райадминистрация, депутаты горсовета и ДЕЗы), он составляет 40%. Это значит, что 3/5 обратившихся к городской власти, помощь не получили.

Накопец, о попытках населения оказать влияние на «благосклонность» к ним со стороны «власть имущих» в решении своих насущных жизненных вопросов. На вопрос «Приходилось ли Вам последние 12 месяцев давать деньги, подарки, делать услуги руководящим лицам, от которых зависело решение насущных вопросов Вашей жизни?» 63% респондентов отметили вариант «Не приходилось ни разу». И только примерно пятую часть случаев составили те, кому приходилось это делать либо неоднократно (13%), либо один или два раза (10%). Но следует учесть, что спрашивали о подношениях руководящим лицам, с которыми значительная часть обратившихся, возможно, и не имела дела. А если соотнести количество поощрений с числом лиц, обратившихся в различные официальные организации² («показатель «поощрения»), получим несколько иную картину: для официальных организаций этот показатель в среднем равен 35%, а для тех, которые находятся в сфере компетенции городской власти, он составляет 39%.

Как видно из приведенных данных, в очередной раз подтверждается тот факт, что уровень доверия к родственникам и знакомым неизменно выше доверия к организациям и институтам. Если принять во внимание, что более половины обратившихся не получили помощи, а получившие ее более чем в трети случаев использовали «поощрения», становится понятным стремление населения делать упор на деятельностное доверие, воплощающееся в неформальных (или скорее в неправовых) практиках.

Литература

1. *Макеев С.А.* Институционализация доверия как механизм интеграции украинского общества // *Вісник Одеського національного університету*. – Т. 8. – Вип. 9. Соціологія і політичні науки : Матеріали міжнародної науково-практичної конференції “Соціальна політика і механізми інтеграції українського суспільства” 27–28 вересня 2002 року. – Одеса, 2003. – С. 31–40.
2. *Попова И.М.* Социальная практика как основа легитимации и согласия // *Вісник Одеського національного університету*. – Т. 8. – Вип. 9. Соціологія і політичні науки : Матеріали міжнародної науково-практичної конференції “Соціальна політика і механізми інтеграції українського суспільства” 27–28 вересня 2002 року. – Одеса, 2003. – С. 128–134.
3. *Косалп Л.Я., Рывкина Р.В.* Становление институтов теневой экономики в постсоветской России // *Социологические исследования*. – 2000. – № 4. – С. 13–20.
4. Отчет по результатам репрезентативного опроса взрослого населения Одессы 11–16 октября 2003 года // «Социальная ситуация в Одессе: осень 2003 г.»

² К официальным организациям были отнесены все перечисленные в анкете организации, кроме профсоюзов, общественных организаций и политических партий.